

«В НЕЙ ВСЕ МОЕ СЧАСТЬЕ»

3 марта исполнилось 160 лет со дня венчания в Москве, в храме Вознесения Господня у Никитских ворот, Александра Пушкина и Натальи Гончаровой

Творец Тебя мне испослал, тебя, моя Мадонна, Чистойшей прелести чистейший образец. А. С. Пушкин.

НА ПЛОЩАДИ у Никитских ворот подтекают синие, за всю зиму, похуже, никем не потревоженные сугробы. Грязно. С крыши храма молодой длинноволосый парень лопатой сталкивает комья снега. Они лопаются у моих ног, и кажется, что храм тяжело и часто дышит: пуф... пуф... К овощному, что напротив, тянется шнур снулой очереди.

Март месяц 1991 года от Рождества Христова. Вот ведь как: сдвинули время, и все смешалось в его датах. Венчание пришлось на март, на пост, тогда как случилось в феврале, осьмнадцатого. Февраль — особый для него месяц: месяц счастья, месяц гибели...

«Я хладногорно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было...»

Да уж куда как иначе, куда, как не все. С лицейских времен — без собственного угла, по друзьям и гостиничным номерам; со свадьбой — и той задача: все время оттягивали ее до будущая теща, то смерть дяди, то чума московская, то опять — теща. И что ни день, то сюрприз. Приданого не требовал, но (издевки, что ли, ради?) дед ее предложил в качестве одного медную статую Екатерины II, что валялась много лет в подвале гончаровского дома. Продашь, мол, вот тебе и деньги. В конце концов, сам же и одолжил теще из кистеневских (от заложенного имени) денег на приданое 11 тысяч — «пиши пропало». А уже в январе, за месяц до венчания, умирает друг лицейский, «брат названный» — Антон Дельвиг. «И мнится, очередь за мной...» Нет, решительно жил иначе, как обыкновенно живут. И «счастья не было». А тут еще в журналах — говорилось, что ли? — ругают напечатанного с таким трудом «Бориса Годунова». И «всюду мрак и сон дочувный... Жизни мышья беготня...»

Кажется, все известно нам о его жизни; с детства вошли в память сказки, стихи, повести, формировавшие нашу речь и нашу душу. Но почему же только недавно стал задумываться я о том, что был он не только гением, не только идеалом словесности, камертоном, по которому мы до сих пор сверяем качество литературы, но и — просто человеком, гордым и слабым, резким и — ранимым, нуждавшимся в любви и в собственном очаге; что талант и счастье — вещи совершенно разные, и если дано одно, то совсем не обязательно достанет и другого...

«Наша свадьба точно бежит от меня... Мой ангел, ваша любовь — единственная вещь на свете, которая мешала мне повеситься на воротах моего печального замка. ...Не лишайте меня этой любви и верьте, что в ней все мое счастье».

Венчаться поначалу собирались в домовую церковь князя Сергея Михайловича Голицына, да Филарет — митрополит московский — не дозволил. И решено было свершить таинство в церкви Вознесения Господня, прозванной Большой за то, что строилась возле старой, меньшего размера. Неподалеку — на Никитской — жили Гончаровы, жила та, которую испослал ему Творец.

«Участь моя решена. Я женись. Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, боже мой — она... почти мол...»

Чем дорог он мне, этот храм у несуществующих давно Никитских ворот на бывшей Никитской, а ныне Герцена, улице? Не так уж (на мой непросвещенный вкус) красив и изыскан этот поздний московский ампиризм — широкие однообразные плоскости, почти никаких украшений, простой, похожий на обсерваторию купол. Но не тем лишь дорог он, что здесь свершилось таинство венчания поэта с его Мадонной, нет, важно то, что именно здесь, под этим высоким сводом, душа его впервые, может быть, обрела покой и человеческое счастье, которое надобно каждому — бесталанному и гению, поэту и дворнику. Много лет до того одаривал он радостью свое и будущие поколения, но только здесь родилась его собственная короткая радость. И пусть сблизил дурные предзнаменования (обходя аналой, он нечаянно задел его, отчего упал крест; говорили, что при обмене колец одно из них тоже упало наземь) — все это будет потом. А пока... «Я женат — и счастлив. Одно желание мое, — чтоб ничего в жизни моей не изменилось: лучшего не дождусь».

...Привратник Леня сидит за столом у «служебного» входа в храм, говорит по телефону. На стене — фотогазета: вот служба, вот крещение, вот настоятель отец Владимир...

— А это первое венчание, — кончив говорить, поясняет Леня. — Оба из нашего прихода. Невеста, кажись, на свечном заводе работает...

В прошлом августе храм Вознесения Господня Моссовет передал церковной общине. До того он (с 1931 года) успел побыть конторой «Востоккино», потом то ли мастерской, то ли заводом по ремонту велосипедов, а сразу после войны завезли сюда оборудование лаборатории энергетического института. Может, что-то знал об этом Абуладзе, а может, догадался, что варварство именно так должно выражаться: в святом месте гудят провода и сверкают разряды. А совсем недавно чуть не начали претворять в жизнь еще один проект: планировалось открыть в храме концертный зал и соединить его подземным переходом с соседним зданием, где будут кафе и видео.

У нового Моссовета хватило здравого смысла и совести поступить иначе. На реставрацию (а лабораторные опыты повредили состоянию храма куда сильнее, чем время) отпущено 4,5 миллиона рублей. Только по смете — в связи с удорожанием материалов — надо уже минимум шесть миллионов, но даже и моссоветовские миллионы община получить не может: оказывается, никто не знает, как перевести, кому вручить эти деньги. А цены между тем все растут. И стоит посреди Москвы переороженный, в лесах, на которых никто не работает, храм, где венчался Александр Сергеевич Пушкин, гордость России, солнце ее словесности.

...Будете в Москве — пройдите по Тверскому бульвару до конца, а там возьмите чуть правее. Здесь, под сводами этой церкви, был счастлив дорогой всем нам человек, которому вечно здравствовать в наших душах. Верующий вы или нет — войдите, бросьте рубль на ремонт храма и поставьте две тонкие желтые свечки. Одну — за упокой, а вторую — за здравие...

В. КОНСТАНТИНОВ. Фото Н. КАРДАКОВА.